

с. 2-3

изд. Киев, с. 1896 г.
Там, 1960 с. 235

Не м. по м. укр.?

Сцена и артисты

Еженедельная театральная хроника

Не помню, если почтенный Н. Н. Соловцов, ну, буквально на каждом шагу подает повод к осуждению или прохв. Восьмиз, напр. его выходку, вогорая предшествовавшая прилету в наши благоденственные края из-под тулчанского и тербуртского неба, человек Чайка. Тут несколько напрашивается одна параллель. Ибо в пору моего отчества на столбах столичных газет, чему объявлению, однажды появилось изображение лица. С каждым днем рисунок стал видоизменяться: сначала из аполлоновидной хорошенькой женской головки; затем — и начался процесс кривляния; затѣм — на ономъ скорлупы в бойкой позѣ стояла уже блонд предстѣнная фигурка, съ подписью „Стрѣза“ въ кавычкахъ. Въ концѣ концовъ все и оказалось публикаціей въ американско-американскій, къ которой прибѣгнулъ издатель нашей процвѣтающей теперь столичной юмористическаго журнала г. Корифальдъ, чтобы, не читая, такъ катановъ — привлечь подписчиковъ. Но, если подобныя пріемы рекламы еще годились для литературнаго періодическаго издания или въ практикѣ берущаго съ бою издателя табачнаго фабриканта, который имеетъ называть цѣлому міру новый

сортъ, или-бы, идеальнѣйшій напирость, то въ дѣлѣ серьезной театральнаго антрепризы, каковою несомнѣнно считать и свою г. Соловцова, подобныя шутки не уличны! Между тѣмъ, онъ не постѣжился воспринять, почти въ одеской формѣ, строгую выходку отъ посетителя нашей единственной театральнаго поминки за истекающую недѣлю, въ анонсахъ о бенефисѣ своего любимаго — воденскаго актера на его подмосткахъ — г. Рубенса Чинарова, которому „подарилъ“ претеству вещь Антона Чехова.

Даровѣйшій изъ вышнихъ гоюитъ русскихъ бо-летристовъ на театральныя подмостки — „только постъ случайный“, но и безусловно малый въ то же время, какъ и не занею доказать. Драматургами, произведенія которыхъ переживаютъ вѣка, рождѣются гени челоѣчества — Шекспиръ, Шиллеръ, Мольеръ, Грѣболовъ, и т. д., сильны гирмонично и-едино безсмертны идеи съ мощью и безупречнѣйшій реализмъ воспринимеденія житейскихъ трагикомедій, съ неуемдающей красотой формъ и естественнѣйшій драматическій или комическій въ движеніи, въ развитіи дѣйствія своихъ пьесъ, оставили въ наследіе грядущимъ поколѣніямъ изумительныя во краѣхъ или урождству тѣмъ, членъ которыхъ становятся обыкновенно нарицательными у всѣхъ временъ и народовъ. Подобное творчество для сцены достигать алоген естественности, монументальности, если можно такъ выразиться, въ фокусѣ артіа всего зѣлаго рода наобѣ. Существенные его образы, явления жизни, людскія души и чувства. Это — наша сокровищница до скончанія вѣковъ. Въ новейшихъ разбѣрахъ дѣлали то же второстепенные таланты, протѣ Островскаго, А. Дюнасына и плеяды испанскихъ драматурговъ, удачно запечатлѣвая или только черты современности, или вообще преходящее, но не вѣчное. О безчисленныхъ представителяхъ буржуазной золотой середины, услужливыхъ и-ство идеальныхъ досуговъ я уже говорилъ рѣше и повторяться не намерѣнъ. Прибавлю лишь кое-что. Они нерѣдко удивительно дѣлѣ, даже не воспринимодать, а просто поддѣлываютъ картины, болѣею частью, изъ современнаго быта, прибѣгая, за отсутствіемъ внутренней содержательности и духовной силы, къ грубымъ или тонкимъ внѣшнимъ эффектамъ въ своей работѣ. Бомбическую толпу въ зрительныхъ залахъ плоди такой нишурной продуктивности приходится не вкусу, заиргая ея влияние одной уличной техникой. Не спорю: Викторъ Александровъ

то очию очереда дасть Антошу. Чегоу въ
мисли утѣша воспоминаніе житейскихъ
матеріаловъ и поминаній, чѣмъ дешаго
дѣла своего собственнаго и актеровъ, рас-
предѣлять ему. Избѣгая артистическаго сюже-
та у вымышленнаго, театральнаго дѣла на-
терова, въ своемъ ролѣ достигнетъ совер-
шенства. Но, всетаки, чѣмъ любой вытѣкат-
ной профессиональной потуги этого же спе-
циалиста — истеричнаго виднаго гротеска, по сра-
венію съ каждой односторонней бездѣлкой хотя
бы, дилетанта отъ драматурга, И. С. Тур-
ченка и ему подобныхъ. Къ нѣтъ члену по-
слушать сидеть отвести и А. Н. Чехова.
Во бѣдная „Чайка“ — не простая бутафор-
ная принадлежность, а удивительно пѣткій,
привычный и трогательный символъ современ-
ной русской молодежи „конца вѣка“. Я слы-
шалъ въ театрѣ Соловцова раздраженные го-
лоса среди публики по поводу неоправданно-
го дѣйствующаго лица въ пьесѣ. Забавная
превращеніе, господа! Развѣ „виновато перикало,
или рожа крива“? Самый выдающійся жанристъ
въ русской литературѣ текущихъ дней пре-
доставитъ вамъ превосходно написанную галле-
рейку ханжъ окружающаго типа, съ фило-
софскими или общественными значеніями; а вы
покажете сердито морщиться и браните ху-
дизма за то, что онъ безцеремонно до-
водитъ наши истеричные нервы довольно таки
измѣстными флюидными и воспроизведен-
ными со строгой правдой, съ безобраз-
ными схемами нѣтъ нѣтъ, строй дѣйствитель-
ности. У даровитѣйшаго и чуждаго трафаретнаго
художника, даже если отъ него не осябого
жестокія изъ драматургической формы, и пред-
ставленія для сцены вещь быстрая, полна,
иногда рѣзкая, угадывающа, множество интерес-
ныхъ, замѣчательныхъ моментовъ, и которые
представляютъ собой настоящій кладъ для
примѣры исполнителей. Самый рѣзультатъ
сформировать подбавка творчества у насъ я счи-
таю отъ имени А. Толстого „Власть тѣни“ и
Дамы прощанія. Пусть „Чайка“ нѣтъ
бываетъ, но и въ ней есть бездна досто-
инствъ. Вотъ хотѣлъ бы Чехову удалось
фигуры рельефно изобразить въ реальномъ об-
рѣзѣ, въ простомъ и естественномъ соотвѣ-
щеніи дѣйствующихъ лицъ, и онъ бы дарилъ пу-
блику право восхищенія, гдѣ поднаго
общаго литератора-удачника, и само об-
щественныя впечатлѣнія въ скоромъ
будущемъ, въ фаворитѣ для постановки ре-
жиссера, чѣмъ-ли не въ нѣтъ, матеріала отъ
нѣтъ въ 200 строкъ до романа въ 30

печатныхъ листовъ включительно. Содержаніе
этого ряда сценъ, гдѣ такъ просто и естествен-
но переплетаются, точно въ нашей былинной
сказкѣ, пошлое и трогательное, забавное и
трагическое, очень не сложно. Отставной дѣй-
ствительный статскій совѣтникъ изъ „судей-
скихъ“ Соринъ (в. Киселевскій), тщетно искав-
шій всю жизнь женской любви и ласки, на
которую ему до старости страшно не везло,
жаждавший, но не добившійся писательской сла-
вы (то и другое, очевидно, вышло за недоу-
мъ, вследствие крайне-усерднаго отношенія
къ службѣ), живетъ въ свѣтѣ нѣтъ нѣтъ, ко-
торыхъ, надо полагать, не слишкомъ добросо-
вѣстно (такъ какъ хозяйство не только не при-
носитъ дохода, но поглощаетъ всю пенсію пошѣ-
ника) управляетъ отставной поручикъ Шапранъ
(г. Полтавцевъ) съ супругой (г-жа Агранова).
Послѣдняя двадцать лѣтъ состояла въ амурахъ
съ нѣтъ нѣтъ врачомъ („кукушкой“ по нату-
рѣ) Дорновъ (г. Чужбинъ) и нѣтъ дочь
Машу (г-жа Чужбинна, сыгравшая роль про-
сто, толково и тепло), санитариальную и не-
далекую захолустную дѣвицу, не получающую
образованія и живущую въ глуши. Къ непо-
павшему въ землемѣрство Сорину призываетъ
дѣтотъ погостить на берегъ поэтического озе-
ра, гдѣ расположено и сколько барскихъ
усадебъ, его сестра, видная актриса Арка-
дина Треплева (г-жа Невироничъ), бой-баба,
практикъ въ юбкѣ, хранящая въ одномъ изъ
провинциальныхъ банковъ 70,000-ный капи-
талъ „про черныя дѣла“ и подбивающая, въ
качестве небезызгоднаго любовника, холостую
беднотристическую машину, приносящую нева-
жные доходы, — писателя Тригорина (г. Рощинъ-
Исаровъ). Съ ней прѣтаетъ и нѣтъ-успѣхъ-
никъ Костя (г. Эльстонъ-Андреевъ), по „неза-
нятымъ обстоятельствамъ“ уволенный съ 3-го
курса изъ университета, характерный невра-
стенникъ, слабникъ и индифферентъ, благодаря
уродливому дѣтству и отсутствію семейной
обстановки въ отрочествѣ. Натура болѣзненно-
интенсивная и самозабывающая; непростоительно за-
брошена скрагой-матерью, не желающей ку-
пить ему хотя-бы новый костюмъ, не говоря
уже о болѣе широкомъ заботѣ о будущемъ
будущности своего единственнаго дитяти. Въ
легкомысленномъ эгоизмѣ она про него и ду-
мать не желаетъ. Этотъ молодой человекъ
центральная мужская фигура въ разыгранной
драмѣ.

Юлия Треплева, чтобы позабыть не ча-
вшаго въ нектъ души старика-дѣда и удовле-
творить собственные творческіе порывы, сочла-

Писатель
Чехов
2/1/1901

нать одноактную символическую мистерию с единственной женской ролью мирового духа в эпоху, когда должна угаснуть жизнь на земле, и ставить, на лоне природы, домашними средствами далеко, впрочем, не лишенный смысла плод своей болезненной фантазии. В чем же дебютирует чего-то жаждущая, куда-то рвущаяся деревенская барышня с изрядным развитием ума и сердца Нина Зарьчная (г-жа Морская), которой не сладко живется по соседству под эгидою безхарактерного отца и злой мачехи. Она мечтает о сцене и воображает, будто у нея есть драматический талант. Мы застаем ее и Костю взаимно-влюбленными. Но «декадентское» произведение Треплева проваливается: мать его нарочно пошла дослушать собравшихся пьеску до конца, увидев не без «театральной» зависти, что нилевская исполнительница нравится публике. Автор убегает в отчаянии, а его возлюбленная надо по малу привыкает по неопытности провинциалки пошлой фигурой «известного», «популярного», заваленного «заказами» издателя Тригорина, всюду шныгающего за телями с записной книжкой. Заметьте в единый изредкит момент передышки от своей добровольной каторги уже по уши влюбленную в него «смазливую дівченку», которую поэтически сравнивает с приозерной истинной чайкой, придумывая тут же сюжет для нового рассказа. Тригорин счастливо согреться душой около нежного и чистого юного существа. Согласно тем его напыщенной работы, негодая и в действительности, подрав с удравшей из дому на сцену Ниной, бросает ее с ребенком, чтобы вернуться к своей, в существе даже не выпускавший его в плен из цинки ручки постоянной «любви» — г-жи Трепловой, зарекомендовавшей «беллетристическую машину» до последнего издыхания. Из убитого горем Кости, неудачно покушавшегося от ревности на самоубийство, выработывается в разлуке с любимой женщиной, за которой он следует по пятам, как тень, несмотря на ее постоянные отказы с ним провидаться, отчасти-признанный писатель «новой школы». В последний акт действующих лиц, через известный период времени, опять сталкиваются у одра умирающего Сорина. Одиноким «чайка» — бедняжка Зарьчная возвращается подусушавшей, с разбитым личным счастьем и сознанием своего артистического бессилия, к родному зеру. В один темный осенний вечер, плача на груди у обожающего ее, как и в пер-

вые еще дни их взаимной привязанности, — Константина, Нина признается ему в дикой, бессмысленной любви к оболстителю, после чего, надо полагать, бжать топиться к дорожному берегу, а Треплев, на этот раз удачней, пускает себя пулю в лоб. Я верю, что только остоу сюжета. Но тут гораздо важнее мелкие подробности с их филигранной, с их кружевной отделкой под рукою большого мастера. Разговоры психологического или общественного характера великодушны. В чисто-сценическом отношении есть, однако, значительные недостатки. Чехов, напр., забывает, что связность в развитии драматической вещи необходима. Зрители не обязаны догадываться о том, что происходит за кулисами, вне сиюмого действия пьесы. Но это — коренный грех всех беллетристов, пробующих работать для театра, даже Л. Толстого. Заметьте фигура декадента Кости не достаточно скульптурна по выполнению, хотя задумана умно и поучительно. Но в драме он не сосредоточивается вполне тишиной в нечто дельное, и это длает давнюю роль до чрезвычайности трудной даже для корифеев сцены. Г-ну же Эльстону-Анчарову она совершенно не удалась. Треплев у него все время являлся отвратительным идиотом, который бы ни на секунду не улеклась, даже на безлюдь, Зарьчная. Артист неопозволительно ломался, усугубля без надобности черты, длающие фигуру канкана жалкою. Встаки нужно было сохранить что-нибудь человеческое, способное внушить участие. А то, помилуйте, в трогательный момент, когда мать, на минуту проснувшись в противной любовницы Тригорина, переживает нервизку на равной головѣ сыну, публика соловцовского театра единодушно раскидалась над неестественными ухватками г. Эльстова-Анчарова. И это было вовсе не взрыв того истерического хохота, который в других случаях заливается весь театр, чтобы не заплакать в патетический момент.

Я перестал понимать г. Эльстова-Анчарова: чувствуется безусловно, что он обладает некоторыми природными дарованиями; но что ему мешает усильно прилагать его к делу? Не из тех ли он артистов, которые долго нечутся, пока не найдут свое истинное амплуа? Зато, с другой стороны, г-жа Ненирович и г. Рошин, положительно, соперничали между собою по части безукоризненного, неподражаемого воспроизведения изображаемых лиц и мельчайшей отделки деталей в ролях. Как г-жа Ненирович неуловимо-

ловко изображала сочетание в типе Трепле-
вой—изморенной „журки“ с дилетантской выжи-
гой, порабощенной, „maitresse-femme“!
Ее попытки надуть сына и обмануть самое
себя только слабыми вымыслами материнского
чувства из главной сцены объяснения с Ко-
стей нашли до Малой реальное выражение.
Кокетливая, откровенная кокетка извратилась,
борьба с отщепенцем, просиравшим на сво-
боду Тригоринных право переносить нас в
действительную жизнь. И до чего развито
чувство меры у актрисы не забывающей пе-
далей, когда этого не нужно, г-же Немиро-
вой! Брешь того акта, который она должна
выносить на своих плечах, ушла и чуждая
актриса, не выдвигается никто со второго
плана, не выдвигается без надобности зри-
телишья пренебрежением автором из ти-
на фигуры. Сколько врожденной грации в вы-
работанной добросовестности трудоты пластики
из г-жи Немировой. Выдвигает она на аван-
сцену, излившись обильными руками за бока, и
скажет: посмотрите, мать, как я, Трепле-
ва, несмотря на мои годы, еще эффективна по
нравственности!—Пустыня, кажется, а публика
взрится что это—так и любитесь неподдель-
ными талантами. А г. Ромашин? Ну, развѣ
он не мастерски уловил выражение духовной
пустоты Тригорина, этого вразумительного, с
рыжей, изумительно к нему идущей шевелюрой
и бородею, с безданными усталыми го-
лосками, меланхолической застенчивостью,
выработанной годами работы из плоти у
Трепловой, с неизлечимыми жосткими прегла-
живаниями, с глуховатой суетливостью
батора, не привыкшего терять времени и злѣ-
бопачаго „барина“. Не участие, а гадливость,
не взирая на весь трагический своего поло-
жения, возбуждаешь к себе, в освидетельствовании
актера-художника, глубоко-пошлый в своей
типичности образ подвой „литературной силы“.
Доктор Дорн—конечная по положению в рѣ-
шавшей фигура не нуждается в подчеркивании
своих собственных амму г. Чужбинова. Эта ха-
рактерная роль не по вост. Глядя на утри-
рованное ведение ее, и несколько исполнили и
пожалѣли об отсутствии теперь в труппѣ г.
Недѣлина, которому, я убежден, она бы уда-
лась самым блестящим образом и исполнить
натурально, да и по наружности онъ болѣе под-
ходил бы к этому, хотя угадану, но и
когда чарованному данским сердцем „своеоб-
павшему акушеру из губернии“. Но знаю, по-
чему критик петербургских „Новостей“ г.
Семизадовъ поступательно набросился на Чехова

за, яко-бы, гнусный высказывал на сельских учи-
телей, в лицѣ Медвѣденко (г. Леонидовъ).
Это—курьезное негодование противъ бытписате-
ля, не прикрашивающего уродливой и груст-
ной действительности. Подавший печальна на-
дежды, разносторонний и глубоко-интеллигент-
ный в молодости характерныхъ роляхъ ар-
тисты соловцовской труппы, а из этого раз-
очеловѣчилъ слегка каррикатурную, из своей
голодной бѣдности, в своемъ поверхностномъ,
за недостаткомъ средствъ и возможности, уст-
венномъ развитии, личность закорючатого пе-
дагога. Публика жалко этого недалекого, но
несомненно доброго, отзывчиваго, честнаго и
жаждущаго послужить ближнимъ разночница,
отъ котораго, во всякомъ случаѣ, вѣтъ ис-
кренности и душевной теплотой, что и ясно
видно в послѣднемъ актѣ „Чайки“, когда
онъ пѣшкомъ думаетъ, исполненный нѣжности,
въ адскую погоду, за 6 версты, къ своему „ре-
беночку“, безъ жены, Мамы, тайно влюбленной
въ Треплеву, но вышедшей за Медвѣденко
зануль только въ виду его долгихъ настояній.

Г. Киселевскій въ роли Сорина, не обык-
новенно, даѣт живой типъ. Читатели съ удив-
лениемъ спросятъ, куда же дѣтисписецъ дѣвалъ
главный женскій персонажъ „чайку—Нину“?
Я нарочно приберегу отзывъ о ней къ концу.
Г-жа Морская, на этотъ разъ, поправилась и
хоть тѣмъ, что, противъ обыкновенія, мало
даѣт начала себя и тѣмъ, изображаемые ею въ
показавшихъ. Я сразу даже не узналъ ее.
„Сцена на сценѣ“ въ первомъ дѣйствіи про-
шла, положительно, недурно. Публика видѣть,
что хотя Зарѣчная не совсѣмъ безталанна,
но настоящей артистки изъ нея не выйдетъ,
особенно на сильное амбула. И г-жа Морская
доказала это наглядно въ финалѣ пьесы, не
справившись съ трагическою сценою послѣд-
няго свиданія между Ниней и Трепловымъ.
Новой чиники понологовъ и позировки въ
такой критичный моментъ не достаточно. Ак-
триса не сумѣла прогнать публики, какъ бы
слѣдовало, до слезъ. Странно, почему режис-
серъ не далъ этой роли г-жѣ Тутариновой,
которую, видимо, вообще, крайне нехотѣли, от-
травить на второй планъ на соловцовской
сценѣ? Г-жа Морская—и „Принцесса-Греза“,
и „Чайка“, надо сознаться по совѣсти, до-
вольно слаба. А Тутаринову нѣтъ показы-
ваютъ въ „Сверхъ комплекта“, гдѣ именно
г-жа Морская была бы скорѣе на своемъ мѣстѣ.
С. Бердяевъ.